

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ
и
ВОСПОМИНАНІЯ
ПО ДАЛЬНОМУ ВОСТОКУ

М. Г. ГРЕБЕНІЦКОВА.

С.-Петербургъ.

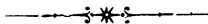
Типографія Я. И. Либермана, Вознесенскій пр., № 30—4.

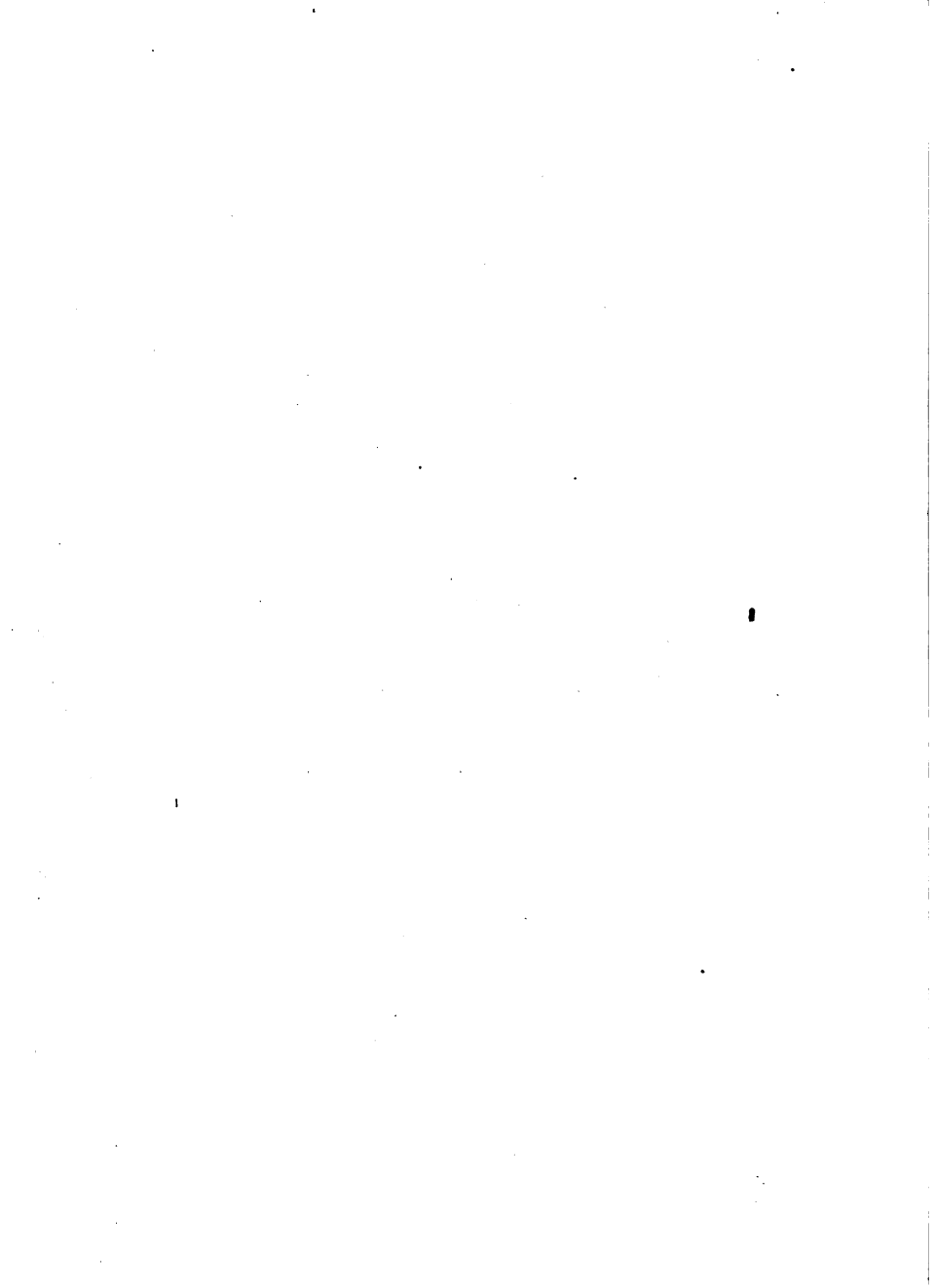
1887

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
1. На переселенческомъ пароходѣ.	1.
2. Столица Южно-Уссурийскаго Края	65.
3. Нѣсколько верстъ по Южно-Уссурийскому краю.	139.
4. По заливу Петра Великаго.	151.
5. Въ японскомъ городѣ.	183.
6. Сингапуръ.	215.
7. Поездка на Цейлонъ.	229.

НА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМЪ ПАРОХОДѢ.

Изъ оконъ грязноватаго номера виднѣлась бѣлая труба парохода, который долженъ былъ увести меня на слѣдующій день изъ Европы; съ улицы доносился шумъ большаго портоваго города. Но и пароходъ и этотъ шумъ мало привлекали мое вниманіе: мысли мои витали на сѣверѣ, подъ вѣчно-хмурымъ небомъ Петербурга, среди друзей и знакомыхъ. Да и какое дѣло было мнѣ, журнальному работнику, до Одессы, обдавшей меня сразу какой-то атмосферой торгашества и наживы? Правда, политическая экономія учитъ, что торговля— весьма сильный двигатель въ народномъ хозяйствѣ; но и этотъ догматъ, зазубренный еще на школьной скамьѣ, плохо мирилъ меня съ красавицей юга, упавшей въ объятія толстаго кармана, мѣшка, набитаго золотомъ. Прогуливаясь по городу, я не могъ не замѣтить, что университетъ загнанъ куда-то въ переулочъ, бібліотека и музей какъ-бы подавляются огромною биржею, а мировой съѣздъ помѣщается чуть-ли не на заднемъ дворѣ.

Чисто машинально продолжалъ я глядѣть на безконечную даль моря, непривѣтливаго и бурливаго. И невольно рождался вопросъ: что-то тамъ, за этими темными волнами, ожидаетъ меня? Чувство одиночества и тоски по родинѣ мало по малу смѣнилось желаніемъ переплыть безконечную даль и увидеть то, что скрывается за нею. Такова ли она, какъ ее описываютъ ученые и неученые путешественники? Вѣдь вотъ Одесса оказалась совершенно иною, чѣмъ я представлялъ ее себѣ на основаніи всякихъ описаній. Отчего не предположить, что и Константинополь, и Коломбо, и Нагасаки не таковы, какъ ихъ рисуютъ путешественники? Я увѣренъ, что послѣдніе не лгутъ, а лишь даютъ своимъ описаніямъ субъективную окраску. Оно иначе и быть не можетъ: одинъ и тотъ же предметъ будетъ казаться не одинаковымъ поэту, естествоиспытателю, соціологу и воину, и въ каждомъ изъ нихъ вызоветъ совершенно различныя мысли. И это отлично: какъ въ стереоскопѣ двѣ картины, снятыя съ двухъ различныхъ сторонъ, даютъ рельефъ и перспективу дѣйствительности, такъ и одно только разнообразіе описаній способно создать въ умѣ читателя болѣе или менѣе вѣрное представленіе о предметѣ.

Эти размышленія привели меня къ тому заключенію, что и я бы могъ вести путевыя замѣтки, которыя могли бы имѣть кое-какой смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ: ѣду я

на русскомъ переселенческомъ пароходѣ:—ужь одно это само по себѣ представляетъ нѣкоторый интересъ, такъ какъ эти пароходы—новость у насъ въ Россіи, нигдѣ и ни кѣмъ не описанная, если не считать оффиціальныхъ отчетовъ тѣхъ чиновниковъ, которые сопровождаютъ переселенцевъ. Придя разъ къ возможности экскурсіи въ область географіи, я запасся тетрадью, страницы которой и представляю на судъ читателей.

I.

Еще нѣсколько часовъ и прощай родина, можетъ быть, на долгіе годы. Невольно становится жутко и подбодряетъ только совершенно спокойный видъ моихъ спутниковъ, переселенцевъ изъ Черниговской губерніи въ Южно-Уссурийскій край. Не привѣтлива была, вѣроятно, къ нимъ эта Черниговская губернія, которую они покинули навсегда для невѣдомой „закитайщины“, какъ они выражаются. А можетъ быть это спокойствіе происходитъ просто отъ привычки русскаго мужика, какъ и мужика большей части другихъ народовъ, къ переселеніямъ. Но не смотря на это внѣшнее спокойствіе, переселенцы представляютъ довольно таки жалкій видъ въ своихъ изодранныхъ и заплатанныхъ полушубкахъ, неуклюжихъ сапогахъ, съ испитыми у большинства лицами. Видимо они еще хорошо не освоились съ пар-

ходомъ и какъ-то безцѣльно снуютъ взадъ и впередъ по палубѣ, мѣшая матросамъ и рабочимъ, оканчивающимъ нагрузку.

Если эмигранты спокойно покидаютъ родину, то и послѣдняя не особенно ласково ихъ провожаетъ: мелкій дождь напоминаетъ петербургскую осень, а холодный вѣтеръ такъ и пронизываетъ насквозь. Волны въ безсильной злобѣ бьются о каменный молъ, напоминая звѣрей, запертыхъ въ клѣткѣ.

Ни дождь, ни вѣтеръ однако же не мѣшаютъ двумъ чиновникамъ бѣгать по палубѣ въ однихъ мундирчикахъ... Но Богъ съ ними: они одинаковы и въ Одессѣ, и въ Петербургѣ, и во Владивостокѣ... Молебень отслуженъ, власти уѣхали въ городъ, и мы снимаемся съ якоря при крикахъ „ура“ толпы зѣвакъ, которыми усеянъ молъ. Вѣтеръ хрѣпчаетъ. Пароходъ все больше и больше раскачивается своимъ громаднымъ корпусомъ. Надо бѣжать въ каюту и ложиться въ койку. Послѣ Бернанда не стоитъ и описывать морскую болѣзнь, которую онъ такъ живо и съ такимъ юморомъ изобразилъ со всѣми мученіями, причиняемыми ею новичку, переплывающему впервые море. „Вотъ тебѣ и путевыя замѣтки“, — думаешь, укутываясь въ пледъ, — „да тутъ и двухъ строкъ не напишешь!“ Но нѣтъ того мученія, которое бы не имѣло конца — наступаетъ конецъ и качкѣ. Послѣ полуторасуточного подражанія доктору

Таннеру, совершенно впрочемъ невольнаго, съ особенною жадностью накидываешь на кофе и хлѣбъ со сливочнымъ масломъ.

— Господа, Константинополь виденъ! объявляетъ мой спутникъ—агрономъ, ѣдущій на Сахалинъ.

Очутиться на палубѣ съ биноклемъ въ рукахъ—дѣло одной минуты. Виденъ же, однако, собственно не Константинополь, а пока еще Босфоръ и его укрѣпленія. Съ военной точки зрѣнія, послѣднія, можетъ быть, и очень даже грозны, но на штатскій глазъ—это земляные валики съ пушками, прикрывающіе казармы и мечети съ довольно мизерными минаретами. Идемъ дальше, и предъ нашими глазами открывается безконечная панорама домовъ, расположенныхъ амфітеатромъ по уступамъ горъ, загородныхъ дворцовъ (между которыми виднѣется и русское посольство съ двуглавыми орлами), мечетей и мрачныхъ кипарисовъ. Тѣ, кто восторгается видомъ Константинополя съ моря, ничуть не преувеличиваютъ: видъ дѣйствительно чудесный, даже въ мартѣ мѣсяцѣ, когда большинство деревьевъ—еще безъ листьевъ. Петербуржецъ не привыкъ ни къ такимъ яркимъ краскамъ, ни къ такому безпорядку. Тутъ ужъ никакой щедринскій градоправитель, перестроившій Глуговъ, не былъ бы въ состояніи придать улицамъ казарменный видъ, да и какія улицы мыслимы на горахъ! Сахалинскій агрономъ приходитъ въ окон-

чательный восторгъ и заражаетъ имъ и меня: кажется, что видишь какой-то волшебный сонъ, ощупываешь себя, свою шведскую куртку—нѣтъ, это не сонъ, это самая „заправская“ дѣйствительность. Вотъ показались куполь и минареты св. Софіи, за ними выдвигаются изъ туманной дали Османіе, Валиде и десятки другихъ мечетей. Мы вошли въ Золотой Рогъ, оставивъ съ права роскошный Долма-Бакче, а сзади Скутари.

— Стопъ! раздается команда.

Пароходъ остановился. Десятки лодконокъ снуютъ около бортовъ, и, вслѣдъ за турецкимъ докторомъ, изъ нихъ на палубу вылѣзаетъ цѣлая армія гидовъ, лодочниковъ и продавцовъ всякой всячины, ожидающихъ, что въ ихъ карманъ перепадетъ одинъ-другой русскій рубль. Впрочемъ, они съ радостью принимаютъ и русскіе пятаки. Приходится отбиваться чуть не силой отъ всѣхъ этихъ грековъ и турокъ, научившихся гдѣ-то на нашу погибель русскому языку. Волей-неволей, а приходится принять услуги, въ качествѣ гида, одного сѣдовласаго потомка аѣинянъ или спартанцевъ, которыхъ, впрочемъ, онъ ничѣмъ не напоминаетъ. Четверть часа плаванія по Золотому Рогу—и мы на пристани въ Галатѣ, охваченные сразу сутолокой столицы востока. Нельзя сказать, чтобы воздухъ въ этой части города былъ особенно ароматиченъ: наша Сѣнная и московскій Охотный рядъ — изящные будуары по сравненію съ нѣ-

которыми переулками и улицами: такая царить въ нихъ вонь! Но ее скоро позабываешь, глядя на пеструю толпу торговцевъ, носильщиковъ, нищихъ, дервишей, турецкихъ офицеровъ, негровъ и матросовъ всѣхъ странъ свѣта. Изъ Пантелеймоновскаго подворья выбѣжалъ бѣлокурый послушникъ, какихъ сотни разсѣяны по русскимъ монастырямъ, и юркнулъ съ бутылкою въ рукахъ въ какую-то лавчонку. Странною кажется его курская или калужская фигура среди окружающей обстановки и намъ-то даже особенно мила. Мы просто теряемся отъ шума и гама: одинъ предлагаетъ почистить сапоги, другой суетъ свѣжія французскія газеты, третій просто кланяться милостыню.

— Гдѣ бы купить намъ фотографическихъ видовъ? — спрашиваемъ мы нашего гида.

— Въ Перѣ, въ Перѣ! Вы тамъ все достанете: и „секретныя“ карточки, и что вамъ угодно, — восклицаетъ потомокъ героевъ Марафона и тащитъ насъ на станцію гидравлической желѣзной дороги, соединяющей, посредствомъ туннеля, Галату съ европейскимъ кварталомъ.

Нѣсколько минутъ потемокъ, — и мы въ Перѣ. Улицы довольно узки, и пѣшеходамъ поминутно приходится жаться къ стѣнамъ, чтобы дать дорогу каретѣ или коляскѣ, но содержатся чисто; дома — европейской архитектуры, а нѣкоторые магазины не уступаютъ луч-

шимъ магазинамъ Невскаго и Большой Морской. Толпа здѣсь нѣсколько иная: преобладаетъ европейскій костюмъ; немало попадаетъ красивыхъ гречанокъ и французенокъ, шныряютъ іезуиты въ шляпахъ а la донъ - Базилю. Обозрѣвъ главную улицу и нагрузивъ нашего чичероне всякими покупками, мы начинаемъ чувствовать аппетитъ, который и удовлетворяемъ въ ресторанѣ „Византія“, гдѣ за девять рублей намъ подаютъ четыре порціи: свѣжихъ омаровъ, плова, котлетъ, фруктовъ и бутылку настоящаго бургонскаго вина. Если принять во вниманіе, что мы пришли съ гидомъ, который успѣлъ уже перемигнуться съ буфетчикомъ, то это не особенно дорого.

Опять туннель, опять Галата, и мы у Золотаго Рога. Уплативъ по мелкой монетѣ сторожу въ длинной бѣлой рубахѣ, мы получаемъ право перейти по деревянному мосту въ Стамбулъ. Не безъ страха ступаешь по истертымъ, дырявымъ доскамъ, глядя на толпу всадниковъ и пѣшеходовъ, на коляски и фіакры, катящіеся по этому ветхому сооруженію, подъ которымъ кипитъ не меньшая жизнь: снуютъ пароходики — „шайтаны“, поддерживающіе сообщеніе съ азіатскимъ берегомъ, лодки и нагруженные барки и каики. Чумазный мальчуганъ, заслышавъ русскую рѣчь, протягиваетъ ручонку и совершенно чисто произноситъ: „дай денегъ — я не ѣлъ!“ Русский языкъ далеко не рѣдкость въ столицѣ Турціи: во французскомъ книжномъ магазинѣ прикащикъ заго-

ворилъ со мной на самомъ правильномъ русскомъ языкѣ и тотчасъ-же предложилъ женевскія и лондонскія подпольныя изданія.

Въ Стамбулѣ садимся въ миниатюрный вагончикъ конно-железной дороги и катимъ въ Софійскую мечеть. Стамбулъ не похожъ ни на Галату, ни на Перу: здѣсь и дома иные, съ рѣшетками гаремовъ; на каждомъ шагу фонтаны, минареты и на самыхъ бойкихъ улицахъ — кладбища. Снуютъ въ зеленыхъ чадрахъ муллы, софты, улемы, идутъ турчанки въ чадрахъ и яркихъ платьяхъ. Заглядываю подъ кисейныя чадры, но у молодыхъ удается лишь разсмотрѣть порою дѣйствительно чудные черные глаза; что касается до пожилыхъ и старухъ, то онѣ могли-бы, безъ убытка для любопытныхъ, кутаться еще плотнѣе.

Вотъ и Софія — этотъ предметъ скорби для всѣхъ алчущихъ овладѣть Константинополемъ. Снаружи знаменитый соборъ порядкомъ таки обезображенъ турецкими пристройками, но внутри дѣйствительно величественъ и производитъ большое впечатлѣніе. Турки тщательно истребили всѣ слѣды христіанскаго культа, заштукатуривъ даже мозаику куполовъ. Странно, прохаживаясь подъ высокими сводами древней христіанской святыни, я не испытываю никакого негодованія на то, что она въ рукахъ магометанъ, а не грековъ. Многимъ ли въ сущности Византія отличалась отъ побѣдившаго ее маго-

метанскаго міра? Тотъ же фанатизмъ, такъ рѣзко выразившійся въ александрійскихъ убійствахъ, тотъ же застой, тотъ же деспотизмъ. Недаромъ византійское вліяніе стало синонимомъ неподвижности и чего-то въ высшей степени мрачнаго, мертвящаго, убивающаго всякое живое біеніе общественной жизни. Исторія даже послѣднихъ дней показываетъ, что такое были греки и греческое духовенство — стоитъ только припомнить гнѣтъ послѣдняго надъ болгарскою церковью.

Но тѣмъ не менѣе въ этой древней христіанской святинѣ чувствуешь что-то совершенно особенное, какое-то дѣйствительное благоговѣніе. Многое, очень многое видѣли эти стѣны: и Византійскихъ Императоровъ, и пословъ Владиміра Святаго, и крестоносцевъ и грозныхъ султановъ. О чемъ только не возсылались въ этихъ стѣнахъ мольбы къ Создателю. Мнѣ невольно припоминается легенда о томъ, что настанетъ день и изъ замуравленной двери выйдетъ со святыми дарами тотъ самый служитель церкви, который, по преданію, скрылся въ нее, когда въ соборъ ворвались невѣрныя и осквернили святуго Софію. Выйдетъ священникъ и докончитъ прерванное таинство евхаристіи. Чудная, поэтичная легенда! Я понимаю, что, вѣря ей, можно горячо желать, чтобы, какъ можно скорѣе, опять эти высокіе своды огласились призывомъ: „со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите“.

Пока мы разматривали древнюю святыню, муллы, не обращая на насъ никакого вниманія, поучали, сидя на тюфякахъ съ развернутыми коранами на колѣняхъ, своихъ немногочисленныхъ слушателей, сидѣвшихъ и лежавшихъ на циновкахъ въ довольно живописныхъ позахъ. Окончивъ осмотръ, мы собираемся уходить. Одинъ изъ правовѣрныхъ предлагаетъ хрустально чистой воды изъ источника, служащаго для омовеній.

— Хорошъ? спрашиваетъ насъ, когда мы напились.

— Яеши, біюеъ яеши! отвѣчаю я.

Взглянувши еще разъ на дѣйствительно величественный храмъ и купивъ нѣсколько кусочковъ мозаики на память, мы торопимся на пароходъ.

— Мы снимаемся завтра, въ четыре часа пополудни, встрѣчаетъ насъ радостною вѣстью командиръ, послѣ чего я, конечно, отправляюсь ночевать на берегъ.

Прежде всего, ѣду занять номеръ въ „Византіи“. Гулять поздно, въ театръ идти рано, и потому спускаюсь въ общую гостинную почитать газеты. Но, увы! скоро мое спокойствіе нарушается вторженіемъ цѣлой компаніи англичанъ. Три миссъ ничуть не похожи на тѣхъ красавицъ, которыхъ обыкновенно изображаютъ лондонскія иллюстраціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ опровергаютъ и тотъ предразсудокъ, будто всѣ англичанки сухопары. Что касается до мамыши, то она можетъ поспорить дородностью съ любой замоскворѣцкой купчихой. До притор-